

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 13.

Июль.

Кн. 1.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПАРИЗСКИХЪ БАЙРОНА.

I.

То часъ, когда изъ-за вѣтвей,
Слышишь пѣсня соловья.
То часъ, какъ любящихъ слова
Въ тиши вѣжливѣ и страстнѣй,
И шумъ колеблющихся волнъ
Какой-то музыкою полнъ,
И каждый цвѣтъ блеститъ росой,
И звѣзды ярки въ небесахъ,
Вода синѣй во тьмѣ ночной,
Темнѣ зелень на листахъ,
И полусвѣтъ лежитъ на всемъ,
Съ прозрачно-нѣжной теплою,
Который слѣдуетъ за днемъ,
Лишь сумерки растаютъ подъ луной.

II.

Но не слушать въ тиши, какъ шумитъ водопадъ
 Паризина прокралась изъ мрачныхъ палатъ,
 Не за тѣмъ, чтобъ молиться ночнымъ небесамъ
 Выходила синьора въ тѣнистый свой садъ,
 Не за тѣмъ и въ бесѣдкѣ, чтобъ въ ней
 Наслаждаться прохладой подъ сѣнью вѣтвей.
 Она слушаетъ жадно—но не пѣснь соловья,
 Хотя словно къ сказкѣ внимательно ухо ея....
 Вотъ шорохъ за темною сѣтью вѣтвей,
 И блѣднѣютъ ланиты.... и сердце забилось сильнѣй....
 Вотъ голосъ послышался въ шелестъ листьевъ чуть-чуть....
 Ярko вспыхнули щеки, высоко волнуется грудь....
 Еще минута—близокъ срокъ....
 Прошла—и онъ у милыхъ ногъ!

III.

И что для нихъ весь мѣръ кругомъ,
 Съ его движеньемъ, ночью, днемъ?
 Вся жизнь—и неба и земли,
 Чужда ихъ ску и уму,
 Какъ будто умерли всему
 Они—кругомъ, вблизи, вдали,
 Живя лишь для себя двоихъ,
 Какъ будто бъ не было другихъ....
 И вздохи тягостные ихъ
 Безумной радости полны.
 Пусть задыхаяся отъ нихъ,
 Грудь разорвать сердца должны....
 Опасность.... стыдъ или вина
 Тревожно-пѣжнаго ихъ сна
 Ничто не въ силахъ перервать.
 Что нужды имъ?... И кто жъ изъ насъ,
 Кому страстей горячку знать
 Дано въ удѣлъ.... минуту, часъ
 Не позабылъ у милыхъ ногъ....
 Всему не умереть бы могъ,

Не презирать людской молвы.
 Но все пройдетъ, увы, увы!
 Проснемся мы, но лишь тогда
 Какъ сонъ исчезъ — и навсегда!

IV.

Со взглядомъ долгимъ и нѣмымъ,
 Любви преступной мѣсто имъ
 Оставить должно.... Пусть уста
 Какъ бы прощаясь навсегда,
 Слились въ лобзанья.... Жарки ихъ
 Лобзанья, вздохъ ихъ страстно-тихъ....
 И Паризины грѣшный взглядъ
 Боятся неба вышины;
 Какъ обличители вины,
 Святима яркя глядятъ,
 А все какъ прежде, жарки ихъ
 Лобзанья, вздохъ ихъ страстно-тихъ....
 Какъ бы прикованы стоятъ
 Они на мѣстѣ.... но должны
 Разстаться, врозь идти съ тоской
 Глубокой, съ смутною душой
 Съ стыдомъ, сопутникомъ вины.

V.

На одинокомъ ложѣ сна
 Все такъ же Уго мысль грѣшна.
 Она жь преступную главу
 Склоняетъ къ сердцу мужа.... сонъ
 Ее объялъ, но смутенъ онъ;
 Въ тревожномъ снѣ, какъ на яву,
 Зоветъ того въ бреду больномъ,
 Чье имя не сказала бь днемъ,
 И мужа къ жаркимъ персямъ жметъ....
 Лобзаньемъ пробужденъ,
 Ее въ объятя онъ беретъ,
 И весь восторгомъ упоенъ,

Мечтаетъ сладко, что и вздохъ,
И поцѣлуй, и трепетъ могъ
Внушить лишь онъ во время сна,
Что и во снѣ—его она!

VI.

Ее сжимаетъ страстно онъ
И льнетъ къ устамъ.... но что съ тобой
Приицъ Азо? чѣмъ ты пораженъ,
Какъ бы Архангела трубой?
И точно.... звука бѣ не слыхалъ
Онъ въ гробъ равнаго тому....

.....

И точно.... въ звукъ страшномъ томъ
Душѣ проклятiе звучитъ,
Въ томъ звукъ, въ имени чужомъ
Ея вина и Азо стыдъ.
И чье же имя?... Какъ волна,
Которая къ крутымъ скаламъ
Уноситъ, бѣшено-вольна,
Похищенный со берега хламъ
И разбиваетъ.... такъ въ его
Душѣ все этотъ звукъ разбилъ.
Чье жъ имя? Уго!... да, того,
И думать онъ не могъ о комъ;
Чью мать онъ первую любилъ,
Кто былъ грѣха его плодомъ,
Бiанки сыномъ—жертвы той,
Довѣрчивой и молодой....

А. Григорьевъ.